

Четвертая глава
ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН
В ПЕРЕВОДЕ АНДРЕЯ МАРКОВИЧА

Передать во французском переводе пленительную смесь иронии и лиризма *Евгения Онегина*, сохранив воздушную легкость звучания и интимную авторскую интонацию, — задача, как считалось в XIX веке, абсолютно нереальная (не делалось и попыток). В XX веке появилось несколько стихотворных переводов романа на французский язык¹ — в каждом из них немало удач и находок, но в целом все они далеки от идеала. Казалось, что *чуда* случиться не может, но оно произошло: в 2005 г. увидел свет перевод Андрея Марковича (*Alexandre Pouchkine. Eugène Onéguine roman en vers, traduit du russe par André Markowicz*), в котором, думается, схвачен самый *дух* пушкинского шедевра. Я узнала о появлении этого перевода (как утверждали, «конгениального») сравнительно недавно, попросила у автора экземпляр, и вот — он у меня в руках.

Первое, что в таких случаях хочется понять, передает ли перевод ощущение целостности: проглядываю перевод (более глубокое знакомство — впереди), листаю узловы́е строфы начала, середины, конца — да, это не *мозаика* более или менее удачных строф; от текста исходит ощущение *органического единства*.

Следующий шаг: попытаться «почувствовать» перевод конкретно, в деталях и частностях. Открываю мои любимые строки, имеющие к тому же непосредственное отношение к теме «Пушкин и Франция», — XXVI и XXXI строфы третьей главы, предваряющие *Письмо* Татьяны. Почему выбраны именно они, а не само послание героини (ведь оно *гипнотизирует* читателей с детства)? В нем нет самых трудных для перевода категорий (автор перенимает стиль героини): иронии, шутовности, юмора, которые и представляют в данном случае наибольший интерес. Вот XXVI строфа в оригинале и переводе:

<p>Еще предвижу затрудненья: Родной земли спасая честь, Я должен буду без сомненья, Письмо Татьяны перевесть. Она по-русски плохо знала, Журналов наших не читала,</p>	<p>Je sens un autre obstacle naître: Sauvant l'honneur de la nation Il me faudra pour cette lettre Vous en fournir la traduction. Privée en russe de pratique, Ne lisant pas nos périodiques,</p>
--	---

¹ Стихотворный перевод поэмы на французский язык в XX в. предприняли Gaston Pérot (1902), Maurice Colin (1980), Nata Minor (1990), Roger Legras (1994), Jean-Louis Backès (1996).

<p>И выражалась с трудом На языке своем родном, Итак, писала по-французски... Что делать! повторяю вновь: Доныне дамская любовь Не объяснялась по-русски, Доныне гордый наш язык К почтовой прозе не привык.</p> <p style="text-align: right;">(VI, 63)</p>	<p>Tania s'exprimait assez mal Dans notre idiome national: Sa langue écrite était française... Jamais encore jusqu'à ce jour, Les dames n'ont parlé d'amour En russe, et là est mon malaise... Non, jamais notre idiome altier N'avait servi pour le courrier.</p> <p style="text-align: right;">(90)</p>
---	---

Первый вопрос — соответствует ли оригиналу структура строфы? Да, в точности: четырехстопный ямб, 14 строк, рифмовка — abab, ccdd, effe, gg, концовка — «пуант»; *онегинская строфа* в чистом виде, строго выдержанная в восьми главах (плюс в отрывках из *Путешествия Онегина*). Хотя выполнение формальных требований — не самая трудная задача (есть и сложнее!), все же тот факт, что на такой длинной дистанции удалось свободно приблизить французский силлабический стих к русскому силлабо-тоническому, поистине изумляет¹. Хочется понять, какими способами можно уложить четырехстопный ямб в прокрустово ложе французского октосиллаба (восьмисложника): ударение во французских словах намертво закреплено за последним слогом. Постепенно осознаешь, что спасение — в целом комплексе средств: преимущественный отбор односложных и двухсложных слов, инфинитивные и деепричастные обороты, l'élision², к тому же свободное, как принято сегодня, обращение с немым «е»³.

После проверки «глазом» — проверка «ухом». Обаяние *Евгения Онегина* — в звучании, это исключительно важный критерий. Как справился с этой задачей переводчик? Читаю вслух: пушкинские стихи во французском облици льются легко и свободно. «Языковое ухо» хранит память о мелодичном октосиллабе Вольтера («Si vous voulez que j'aime encore...»), Альфреда де Мюссе («Si vous croyez que je vais dire...»), Ламартина («Que j'aime à flotter sur ton onde...»); пушкинский ямб в переводе Марковича звучит как «родной брат», но — это и есть чудо! — французский октосиллаб сохраняет чисто *пушкинское*, чисто *онегинское* звучание. Добиться этого эффекта, думается, было бесконечно трудно. Сам Анд-

¹ Луи Арагон, пытавшийся перевести *Евгения Онегина*, «одолел» лишь восемь строф из первой главы и пять — из пятой (он владел русским языком слабо, постичь тонкости текста ему помогала Эльза Триоле). Крупный поэт, он как никто другой понимал важность сохранения рифмы и строфики, но передать самый *дух* поэмы ему удавалось слабо (удачен лишь перевод первой строфы).

² Во французском произношении при столкновении двух гласных на стыке слов, последняя гласная в слове выпадает (особенно это значимо для стихосложения). В данной строфе семь таких случаев; элиминируемая гласная подчеркнута.

³ В пушкинские времена в стихах немое «е», за исключением случаев élision и конечно-го гласного в строке, — *слоговое* (то есть входит в счет слогов и произносится).

рей Маркович в беседе с редактором парижского международного радио, Виталием Амурским¹, рассказал, как он в течение двадцати восьми лет каждый день (занимаясь при этом и другими переводами) неутомимо работал над *Евгением Онегиным*². Когда ему было 17 лет, в 1977 г., Е. Г. Эткинд, оказавшийся вследствие вынужденной эмиграции в Париже, открыл для него «персональную» школу перевода (каждый урок — ему одному) и вдохновил заняться пушкинским романом. С этого времени *Евгений Онегин* стал для него высшей жизненной ценностью. Работа над переводом приносила ощущение счастья, но одновременно и горечи: эквивалент формы найден, но он какой-то «сухой», в переводе нет жизни. И вот случилось невероятное: в 2003 г., пересекая на поезде Францию, машинально твердя русские строки *Онегина*, он неожиданно, «внутренним слухом», уловил, как откликаются на *русские* слова — *французские*, как они *ауканются, клеятся* друг к другу, *перемигиваются*. Это было подлинным открытием: в тот момент перевод обрел пульс. Работа сразу закрутилась и быстро пошла к завершению (он сам, однако, считает свой перевод несовершенным и намерен переделывать и улучшать его всю жизнь).

Овладеть *онегинским* звучанием — сложная задача, но не менее трудно передать в переводе неповторимую пушкинскую смесь лиризма и иронии. Такие качества пушкинской поэмы как *ироничность, насмешливость, шутливость*, в высшей степени свойственные и галльскому национальному гению, при стихотворном переводе парадоксальным образом не находили должный эквивалент (в прозаическом переводе они достигались легче).

В анализируемых строфах характер иронии диктуется их семантикой. Увертюра к *Письму* Татьяны раскрывает парадоксальное состояние института переписки в дворянской России: «русская душою» Татьяна «журналов наших не читала» («nos périodiques» — французское слово несет легкую иронию), светскую беседу вела по-французски, любовное письмо она могла написать *только, ис-*

¹ Беседа по международному французскому радио между редактором «Литературного перекрестка» Виталием Амурским и Андреем Марковичем, посвященная переводу *Евгения Онегина*, состоялась в Париже в феврале 2006 г. Хотелось бы выразить Виталию Амурскому благодарность за предоставленную мне возможность познакомиться с передачей.

² В раннем детстве, когда он еще не умел говорить, московская бабушка ежедневно читала Андрею Пушкина (сказки, лирику, поэмы и даже стихи, предназначенные для взрослого уха); ему всегда казалось, что пушкинские ритмы уже тогда «вошли в его кровь». Четырехлетним ребенком он оказался в Париже (семья в 1964 г. эмигрировала во Францию) — там влюбился во французский язык, звучание которого казалось ему прекрасным (мать, преподаватель русской литературы, говорила с ним только по-русски, отец — по-французски). А. Маркович перевел около ста книг из русской литературы, всю прозу Достоевского, театр Гоголя, Сухово-Кобылина, сейчас переводит *Горе от ума* Грибоедова. Русские пьесы в его переводе идут на многих сценах Франции; мне посчастливилось видеть «его» *Ревизора* на сцене «Комеди франсэз» — я полюбила живейшее наслаждение.

ключительно на этом языке: «Что делать! повторяю вновь: // Дыныне дамская любовь // Не объяснялася по-русски» (VI, 63). Парадоксальная языковая ситуация — Татьяна вообще владела родным языком слабо: «Она по-русски плохо знала» (VI, 63), то есть знала бытовую речь, язык молитвы, разговор слуг. Автор шутливо заверяет читателя, что «спасая честь земли родной», обязан предоставить ему перевод письма Татьяны. Маркович находит точный (и ироничный) эквивалент — «Sauvant l'honneur de la nation» («Спасая честь нации»). Как передать по-французски интонацию мнимого смущения автора парадоксальной эпистолярной ситуацией? В XXVI строфе едва уловимая ирония передается тонким подбором лексики («idiome nationale», «idiome altier» — «особенности речи», «гордая речь»), сочетанием высокого стиля («sauver l'honneur de nation») и сниженно-делового («fournir la traduction» — «снабдить переводом»), удачным афористичным заключительным пуантом, построенным на том же контрасте сниженного («le courrier» — «почтовые отправления») и книжно-высокого («idiome») понятий. Лиризм строфы поддерживается, как и у Пушкина, двукратным включением авторского «я»; французская специфика в удачной связи «я» с инфинитивным оборотом, передающим эмоцию в движении, и в шутливом восклицании «et là est mon malaise» — «в этом мой душевный дискомфорт». В *лиризм* включается и легкая пушкинская самоирония: автор надевает маску скромного переводчика, не имеющего никакого отношения к созданию письма. Лиризм и автоирония заметно усиливаются в XXXI строфе, непосредственно вводящей послание героини Онегину:

Письмо Татьяны предо мною;
Его я свято берегу,
Читаю с тайною тоскою
И начитаться не могу.
Кто ей внушил и эту нежность
И слов любезную небрежность?
Кто ей внушил умильный вздор,
Безумный сердца разговор
И увлекательный, и вредный?
Я не могу понять. Но вот
Неполный, слабый перевод
С живой картины список бледный,
Или разыгранный Фрейшиц,
Руками робких учениц.
(VI, 65)

J'ai sur la table cette lettre,
Elle est pour moi comme trésor,
Je la relis, je m'en pénètre,
La pose, la relis encore.
D'où te venait cette tendresse,
Des mots cette aimable mollesse,
Tania, ce délire touchant,
Les flammes vives de ce chant,
Si séduisantes, si fatales?
A d'autres de comprendre. Moi,
J'aurai traduit — trop maladroit! —
Mille couleurs en ombres pâles,
Comme un Freischütz qu'on voit joué
Par une élève aux doigts noués.
(93)

А. Марковичу удалось точно передать разговорно-доверительную интонацию оригинала, восхищение автора письмом героини (для слов «свято берегу» найден эквивалент «trésor» — «сокровище», под рифмой его значимость возрастает). Какими средствами достигается ощущение авторской близости к Татьяне? Как

удается уложить сложное чувство в октосиллаб? Первые четыре строки состоят в основном из двухсложных слов, свободно укладываемых в восьмисложник. Удача — местоименный оборот с «en», способствующий лаконизму и выразительный глагол «rénètrer» («je m'en rénètre» — «я им проникаюсь»). Но здесь и единственная потеря в строфе: утрачено пленительное «с тайною тоскою» («engoisie secrète») уложилось бы в ритм, но важнее — рифма к доминантному слову «lettre»). Пушкинское «начитаться не могу» удачно заменено повтором глагола «relire» («Je la relis <...> La pose, la relis encore» — «Я его перечитываю <...> кладу..., снова перечитываю»). В следующие четыре строки переводчик вносит новацию, счастливую находку: прямое обращение к Татьяне. У Пушкина «Кто ей внушил...», а у Марковича: «D'où te te venait <...> Tania...?» («Откуда к тебе пришли, Таня, ...?»); интимное «ты» усиливает лиризм. Изменение в лексике и конструкции фразы ничуть не мешает созданию семантически точного эквивалента. Пушкинское «Я не могу понять» верно отражено в чисто французском обороте «A d'autres de comprendre» («Может быть, другие смогут понять...»). Автоиронию Маркович передает самоуничижительным эпитетом «maladroit» («неловкий» перевод) и точным эквивалентом пушкинского сравнения собственного «слабого» перевода с бледной, утратившей живые краски, копией. И, наконец, последняя удача переводчика — заключительный пуант. К месту вставленный неопределенный артикль «un» («un Freischütz»¹, чисто французский прием), выразительный инфинитивный оборот и счастливо найденная рифма «joué — poué» (игра со «связанными пальцами») создают ударную концовку.

В переводе двух строф тонко переданы все оттенки пушкинской интонации, от откровенного пристрастия к героине до восхищения ее письмом и шутливой автоиронии. Хотя здесь представлена небольшая «площадка» (28 строк), но они красноречиво свидетельствуют о редком искусстве переводчика: эти строфы можно рассматривать как своеобразную миниатюру, в которой нашел *французское отражение* «магический кристалл» романа в целом.

Достигнутый в последнее время уровень перевода пушкинской поэзии обнадеживает и вдохновляет: желание переводить стихи Пушкина прозой, думается, исчезло и вряд ли когда-нибудь оживет. Однако нельзя забывать азбучную истину: даже самый гениальный перевод не способен создать полное представление о художественной мощи шедевра, подобного *Евгению Онегину*. Во всей мере красоту романа способен постичь лишь человек, *свободно владеющий русским языком*. Но все же читателю, желающему познакомиться с *Евгением Онегиным* во французском переводе, и в самом лучшем из возможных вариантов, такая возможность теперь предоставлена.

Успех Андрея Марковича, сумевшего преодолеть трудности перевода *Евгения Онегина*, оказался возможным благодаря сложному комплексу причин. От

него потребовалось многое: энтузиастическая любовь к пушкинскому роману, редкий талант переводчика, прекрасная *школа* и фантастическое упорство в достижении цели. Только в «переплавке» всех этих компонентов мог родиться блистательный французский перевод *Евгения Онегина*, «способный раскрыть читателю всю красоту оригинала»¹.

¹ «...un Freischütz» означает — музыкальный фрагмент из очень модной в то время оперы Вебера *Свободный стрелок* (*Freischütz*).

¹ *Meylac M. Préface // Eugène Onéguine, romans en vers traduit du russe par André Markowicz. Actes Sud. 2005. P. 6. (Перевод мой. — Л. В.)*